

УДК 29(047)

А.Г. Подмарицын*

«ЗАКРЫТИЕ» УЛЬЯНОВСКОЙ И МЕЛЕКЕССКОЙ ЕПАРХИИ В 1959 ГОДУ

В статье рассмотрена практика закрытия и сокращения числа епархий РПЦ в конце 1950 – начале 1960-х гг. в результате внешнего советского давления.

На конкретных примерах проанализирована тактика советских чиновников из Совета по делам Русской православной церкви при СМ СССР, показана ведущая роль местного уполномоченного Совета в деле прекращения деятельности Ульяновско-Мелекесской епархии в 1959 г.

Ключевые слова: Русская православная церковь, епархии РПЦ, Совет по делам РПЦ при СМ СССР, уполномоченный по Ульяновской области, направления советской антицерковной политики.

Изучением вопроса о закрытии епархий Русской православной церкви (РПЦ) в конце 1950 – начале 1960-х гг., насколько известно, никто специально не занимался. Из упоминаний в существующих исследованиях по истории РПЦ хрущевского времени (как светских, так и происходящих из РПЦ) становится ясно, что сама Церковь формально этих закрытий не признавала, перепоручая духовное руководство этих территорий соседним епархиальным архиереям [см., например: 10, с. 706–712; 7, с. 287]. Для примера укажем на управление в 1961–1988 гг. Казанскими преосвященными Ижевско-Удмуртской епархией [10, с. 707]; в 1961–1990 гг. Симферопольскими преосвященными Днепропетровско-Запорожской епархией [5, с. 21].

Необходимо отметить, что и в более раннее советское время были прецеденты: Красноярско-Енисейская епархия в 1948–1990 гг. управлялась Новосибирскими преосвященными [5, с. 29], Олонецко-Петрозаводская в 1955–1990 гг. временно управлялась Ленинградскими преосвященными [5, с. 39], Пинско-Лунинецкая в 1959–1989 гг. временно управлялась Минскими преосвященными [5, с. 40], Сумско-Ахтырская епархия в 1959–1989 гг. временно управлялась Черниговскими архиереями [5, с. 46], Хабаровско-Владивостокская епархия в 1948–1988 гг. временно управлялась Иркутскими владыками [5, с. 51], Хмельницкая и Каменец-Подольская епархия в 1962–1990 гг. временно управлялась архиереями Винницкой епархии [5, с. 52].

Некоторые епархии были упразднены в послевоенное время. Великолукская и Торопецкая (1947–1957 гг.) была поделена между Калининской (Тверской) и Псковской кафедрами; Дорогобычская и Самборская (1946–1959 гг.) вошла во Львовскую епархию; Измаильская и Болградская слились с Одесской епархией; Петропавловская и Кустанайская (1957–1960 гг.) соединены с Алма-Атинской так же, как и Семипалатинско-Павлодарская епархия (1947–1956 гг.) [5, с. 55–56].

Точно так же поступили и в 1959 г., когда через Совет по делам РПЦ при СМ СССР было принято решение о закрытии Ульяновско-Мелекесской епархии. Митро-

---

* © Подмарицын А.Г., 2013

Подмарицын Алексей Геннадьевич (algerpod@yandex.ru), кафедра российской истории Самарского государственного университета, 443011, Российская Федерация, г. Самара, ул. Акад. Павлова, 1.

полит СПб. и Ладожский Иоанн (Снычев), авторитетный историк РПЦ XX столетия, в отношении осуществления управления означенной епархии Куйбышевскими пресвященными употребил термин «1959–1988 присоединена к Куйбышевской епархии» [10, с. 711]. Управление Куйбышевскими архиереями осуществлялось с 21 мая 1959 г. по 14 сентября 1989 г. [5, с. 50].

Термин «присоединена» был им использован и в отношении епархий Петропавловской и Кустанайской (с 1960 г. – к Алма-Атинской); Хабаровской и Владивостокской (1958–1988 гг. – к Иркутской); Челябинской и Златоустовской (1960–1988 гг. – к Свердловской) [10, с. 709, 711].

Таким образом, видно, что ни Священный Синод под председательством Патриарха Алексия I, ни Архиерейский собор РПЦ 1961 г., ни Поместный Собор РПЦ 1971 г. никогда не издавали документов о закрытии поименованных епархий. Журнальными определениями Синода управление поручалось тому или иному архиерею близлежащей епархии.

В интересующий нас период, с 28 января 1953 г., епархией управлял архиеп. Иоанн (Братолюбов). Его отстранили от управления Уфимской епархией в 1948 г. с направлением на покой в Жировицкий Успенский монастырь за игнорирование «советов» местного уполномоченного и своеволие (по мнению последнего) в церковном управлении [10, с. 383].

Уполномоченным Совета по Ульяновской области с 28 октября 1957 г. состоял М. Кошман [1, д. 30, л. 121]. Начало карьеры уполномоченный отметил рядом поступков, четко охарактеризовавших главные направления его служебной деятельности. Одним из них была пристальная опека правящего ульяновского архиерея.

М. Кошман в начале 1958 г. получил «сигналы» о том, что домработница архиеп. Иоанна якобы организует верующих к выходу на реку в Крещенские праздники. Уполномоченный по телефону через благочинного вызвал ее к себе на беседу. Домработница явилась вместе с архиереем, которого Кошман оставил ждать в коридоре, а с домработницей беседовал в кабинете. Архиепископ, будучи возмущен нетактичным поведением уполномоченного Кошмана, послал в Совет по делам РПЦ при Совмине СССР жалобу [4].

По словам М. Кошмана, «в 1957–1959 гг. духовенство и особенно бывший епископ Братолюбов с уполномоченным мало считались, самовольничали, воровали из церковной кассы огромные суммы денег, нарушали законодательство о культах. Например, Братолюбов самовольно купил 4 легковые автомашины, 2 лошади, десятки домов, без разрешения отремонтировал почти все храмы, принимал десятки новых лиц из числа духовенства без согласования с уполномоченным, многих посвятил в сан, требовал открытия новых церквей, всю область разделил на 19 приходов, т. е. соответственно наличию в то время храмов, обязал духовенство разъезжать по селам, активно подогревал паломничество» [1, д. 58, л. 33].

С подачи уполномоченного недовольная часть епархиального духовенства, используя мирян и членов выборных приходских органов, составила несколько писем на имя Патриарха Алексия I, в которых они обвинили архиеп. Иоанна в своих собственных преступлениях. Извращая действительность и превращая в противоположность грязные факты, они самочинно (но с подачи уполномоченного) объявили о выходе из Ульяновской епархии и присоединении ее к Куйбышевской под формальным предлогом равного расстояния [1, д. 58, л. 68–69, 70–72]. На склоки ушла часть 1958 г. и начало 1959 г. Со своей стороны уполномоченный занимался проволочками в предоставлении права верующим на построение сгоревшей церкви в с. Голодяевке [1, д. 39, л. 31–32], специально инструктировал местных советских работников по затягиванию решения этого вопроса [1, д. 42, с. 36–36 об.], не чужд он был и

открытых интриг (отказ от своих собственных обещаний, прямой шантаж духовенства епархии, предложения снять сан, духовенству — убеждать верующих не посещать церковь(!) [10, с. 383].

В определенных случаях уполномоченный покрывал прямые преступления наемных церковных работников (из числа обслуживающего персонала), имея в виду «полезность» этих людей. Так, на письменном требовании чиновников из городского отдела социального обеспечения принудить к возврату в госбюджет незаконно полученных пенсий тремя пенсионерами, подрабатывающими в качестве обслуживающего персонала в двух ульяновских храмах, М. Кошман сделал письменную помету: «Консультировался по удовлетворению. Нельзя, т.к. невыгодно для дела» [1, д. 51, л. 51].

2 апреля 1959 г. беседе с Патриархом Алексием I председатель Совета по делам РПЦ при СМ СССР Г. Карпов обвинил архиеп. Иоанна в том, что тот в беседах с уполномоченным повышает голос и не прислушивается к его советам, и указал на аналогичное поведение архиерея перед устранением его от управления Уфимской епархией в 1948 г. [10, с. 383]. Карпов рекомендовал Патриархии объединить Ульяновскую епархию, в которой всего 17 церквей, с Куйбышевской, а самого Иоанна отправить на покой [10, с. 383].

Старший инспектор Совета по делам РПЦ при СМ СССР Костылев, проверявший летом 1962 г. деятельность уполномоченного Совета по Ульяновской области М. Кошмана, отметил грубость последнего по отношению верующим и духовенству [1, д. 58, л. 35]. Со слов самого Кошмана, проверяющий характеризовал его как «...безответственного работника, не знающего положения дел, и грубого человека» [1, д. 58, л. 35].

Вот свидетельство самих верующих, почерпнутое из неоднократных писем и заявлений областным, республиканским, общесоюзным властям и партаппаратчикам. «Тов. Костылев приезжал в Ульяновск к т. Кошману... быв. уполномоченному... Наши верующие Крайнова и Черкасова ждали от тов. Костылева хороших результатов, а он просидел у него в кабинете, как на мянине, набрал в рот воды и промолчал, а бывший Кошман в присутствии т. Костылева до того разорался в своем кабинете на этих верующих, чуть не лопнул, и выгонял их», — описывали прием уполномоченным представителей верующих с. Ивановки [1, д. 72, л. 73 об.].

Сам уполномоченный так характеризовал свою деятельность: «...хочу прямо сказать, что меня роль предыдущих работников, как уполномоченных по делам церкви — «наблюдать и информировать», — с первых дней в этой должности совершенно не удовлетворяла. Поэтому я старался в корне изменить функции уполномоченного, придать им наступательный характер. Этого требовали с меня партийно-советские органы, сама жизнь и мои чувства атеиста» [1, д. 58, л. 32].

Несколько штрихов о событиях, предшествовавших закрытию епархии и отстранению архиепископа от управления ею.

В начале 1959 г. отношения архиерея и уполномоченного крайне обострились. Владыка подал письмо Святейшему Патриарху с подробнейшим перечислением пунктов разногласий с уполномоченным. В начале апреля Патриарх на приеме у Карпова получил от последнего ответ, что жалобы не подтвердились и что архиеп. Иоанна нужно отправить на покой, а епархию — соединить с соседней Куйбышевской [10, с. 383]. В Ульяновск посылается еп. Дмитровский Пимен для всестороннего изучения спорных вопросов. Одновременно от Совета по делам РПЦ при СМ СССР был послан М. Рогачев, занимавший там должность ст. инспектора [6, с. 426]. Еп. Пименом был подан доклад Патриарху, после чего с резолюцией последнего отослан для ознакомления Ульяновскому преосвященному.

Доклад не сохранился, однако в делопроизводстве М. Кошмана есть копия письма архиеп. Патриарху от 27 апреля 1959 г. [1, д. 44, л. 12–13 об.]. 78-летний святитель извещает 82-летнего Предстоятеля, что «нормальные хорошие отношения, всегда бывшие между нами, вполне восстановились благодаря преподанному руководству приезжавшим из Москвы начальником Рогачевым, а также и визиты Ваших представителей окончательно все привели в нормальное понимание и состояние» [1, д. 44, л. 12]. Далее владыка Иоанн по существу разбирает указанные в докладе Дмитровского пресвященного негативные происшествия.

К ним относились: не вовремя поданные М. Кошману списки членов двадцаток; непредоставление уполномоченному копии распоряжения Патриарха «относительно неправильных паломничеств»; сравнительно частое перемещение духовенства и назначение оною без пожеланий верующих; самовольное построение гаража при церкви с. Оськино; постройка молитвенного дома в с. Лава Сурского района якобы без надлежаще оформленных документов, на что архиеп. заметил — «при беседе моей с уполномоченным Кошманом М. относительно сего он сказал: “епископ Пимен недопонял меня”» [1, д. 44, л. 12 об.–13].

Во всяком случае, даже при сочувственном понимании Патриархией положения дел в Ульяновской епархии было ясно, что советские власти не пойдут на попятную, имея возможность устранить престарелого, сломленного иерарха, а заодно ликвидировать одну из европейских епархий.

Как вспоминал М. Кошман: «...когда Братолюбова я начал призывать к порядку, то он без конца стал на меня жаловаться в Москву. Кончилось тем, что он в 1959 г. был снят» [1, д. 58, л. 33].

«Священный Синод под председательством Святейшего Патриарха Алексия в заседании 21 мая 1959 г. постановил: ...8. Освободить архиепископа Иоанна, согласно его прошению, по болезни от управления Ульяновской епархией с увольнением его на покой» [2, с. 29].

Восьмидесятилетнего старика через год выселили из церковного дома, который был сдан в доход государства. Последние семь с половиной лет он доживал в двух комнатках крохотного домика, деля его с приходской канцелярией. Современник архиеп. Иоанна, историк Русской церкви советского времени, митр. Мануил (Лемешевский) в своем «Каталоге» характеризует его как «человека необычайно молчаливого и с большими странностями. По-видимому, он временами юродствует, но... в нем видны солидные богословские знания и серьезный ум» [цит. по: 10, с. 383]. Современный историк и канонист прот. Владислав Цыпин добавляет к характеристике исповедника архиеп. Иоанна: «...возможно, юродство в те годы было не только подвидом, но и средством самозащиты и выживания» [10, с. 383].

Скончался архиеп. Иоанн (Братолюбов) на 86-м году жизни 27 февраля 1968 г. и был погребен на Воскресенском кладбище г. Симбирска [3, с. 17].

Одновременно уполномоченный М. Кошман в мае–июне 1959 г. провел ряд мероприятий, приведших к закрытию Казанского кафедрального собора г. Ульяновска, используя пребывание в городе члена Совета по делам РПЦ при СМ СССР И.И. Сивенкова [1, д. 39, л. 61].

Епископ Куйбышевский Митрофан (Гутовский) через своего секретаря А.А. Савина начал проводить прием дел и входить в управление Ульяновской епархией. К сожалению, кончина владыки Митрофана (12 сентября 1959 г.) прервала этот процесс. Среди его бумаг, сохранившихся в Самарском епархиальном архиве, есть составленный секретарем и одобренный епископом (летом 1959 г.) план разрешения вопросов, возникших из-за закрытия епархии и Кафедрального собора [8, л. 1].

Престолы и жертвенник были разобраны и сожжены. Ризница, утварь, иконы и другие предметы в основном переданы были в Неопалимовскую церковь, а частично — в Кладбищенскую. Духовенство закрываемого храма было перераспределено по двум оставшимся в городе храмам. Обслуживающий персонал, церковный совет и певчие были рассчитаны с выдачей двухнедельного заработка. Принадлежавшие дома и автомашины также были по согласованию распределены между городскими храмами [8, л. 1]. Через полтора года уполномоченный Кошман заставил передать дома и машины государству [1, д. 46, л. 47].

Таким образом, насильственное смещение епархиального архиерея, ликвидация епархиального управления и закрытие Кафедрального собора привели к вымыванию из сознания понятия «Ульяновская епархия». В тех же наметках еп. Митрофана летом 1959 г. впервые появилось предложение сделать одно благочиние [8, л. 1]. Вступивший после смерти еп. Митрофана в управление Куйбышевско-Сызранской епархией (и, соответственно, присоединенной к ней Ульяновско-Мелекесской) архиеп. Саратовский и Сталинградский Палладий (Шерстенников) издал в октябре 1959 г. указ № 165 об объединении церквей Ульяновской обл. в одно благочиние [9, л. 14]. Через некоторое время во внутриепархиальных документах утвердилось наименование «Ульяновское благочиние».

Начавшиеся очередные репрессии против церкви и духовенства для Симбирского региона выразились в сокращении численности духовенства на 2/3 и почти на 1/4 количества действующих храмов [1, д. 58, л. 28–30].

В результате применения административно-запретительных мер советским властям удалось на рубеже 1950–1960-х гг. добиться известного сокращения числа епархий и количества правящих архиереев. Как правило, такие епархии переходили под управление епископов соседствующих епархий. Такая судьба постигла в 1959 г. Ульяновско-Мелекесскую епархию. В результате поддержки из Москвы, спланированной уполномоченным Советом по делам РПЦ при СМ СССР по Ульяновской области М. Кошманом клеветнической кампании был отстранен правящий архиеп. Иоанн (Братолюбов). Епархия территориально была присоединена к соседней Куйбышевско-Сызранской на правах благочиния. Сама РПЦ никогда и никоим образом не признавала закрытия Ульяновско-Мелекесской епархии, тем самым свидетельствуя о творимом советском произволе.

Библиографический список

1. Государственный архив Ульяновской области (ГАУО). Ф.Р-3705. Оп. 1.
2. Журнал Московской Патриархии (ЖМП). 1959. № 6.
3. ЖМП. 1968. № 5.
4. Информписьмо Совета по делам РПЦ при СМ СССР от 13 августа 1958 г. Ксерокопия из архива автора.
5. Киреев А., протоиерей. Епархии и архиереи Русской Православной Церкви. М., 2002.
6. Подмарицын А.Г. Уполномоченные Совета по делам Русской Православной Церкви при СМ СССР (1943–1965 гг.). Самара, 2012. Рукопись.
7. Поспеловский Д.В. Русская Православная Церковь в XX веке. М., 1995.
8. Самарский епархиальный архив (СЕА). Ф.1. Оп. 1.11. Д. 416.
9. СЕА. Ф. 1. Оп. 1.11. Д. 419а.
10. Цыпин В., прот. История Русской Церкви 1917–1997. М.: Изд-во Спасо-Преображенского Валаамского монастыря, 1997.

*A.G. Podmaritsyn****«CLOSING» OF ULYANOVSK AND MELEKESKY DIOCESES IN 1959**

The article overviews practice of closing and reduction of a number of dioceses of Russian Orthodox Church at the end of the fifties – in the beginning of the sixties years of the XXth century, as a result of external Soviet pressure.

Case studies are given to analyze tactics of the Soviet officials from Council for Russian Orthodox Church affairs at Council of Ministers of the USSR, as well as to show the leading role of a local authorized person of the Council in the termination of activities of Ulyanovsk Melekes diocese in 1959.

Key words: Russian Orthodox Church, dioceses of Russian Orthodox Church, Council for Affairs of Russian Orthodox Church at Council of Ministers of the USSR, authorized person across the Ulyanovsk region, directions of the Soviet anti-church policy.

---

* *Podmaritsyn Alexey Gennadievich* (algepod@yandex.ru), the Dept. of Russian History, Samara State University, Samara, 443011, Russian Federation.